

Цзян Чи в панике натягивал туфли, даже не потрудившись поправить пятки, которые так и остались торчать снаружи. На плечи он накинул тонкую рубашку — ту самую, которую Молан велел приготовить для него служанкам-зомби. Кружевной воротник терся о нежную кожу шеи, докрасна натерев выпирающий кадык, похожий на маленькую жемчужину.

Молан Уэйд, самый уважаемый джентльмен городка Нодин и одновременно самый пугающий серийный убийца, известный как Ночной Демон, сейчас без сознания лежал на смятой постели. На губах Цзян Чи еще чувствовался легкий аромат белого чая, оставшийся от мужчины, а сам юноша пытался подавить прерывистое дыхание. В руке он сжимал нож, который тайком передал ему офицер Деннис Брайт. Пальцы Цзян Чи дрожали, а костяшки побелели, словно выточенные из нефрита.

— Я... — Цзян Чи был всего лишь обычным Лисом, привыкшим к спокойной жизни, и мысль об убийстве вызвала у него непреодолимый психологический барьер.

Юноша заставил себя прижать лезвие к шее мужчины. Кожа Молана была неестественно бледной, словно он всю жизнь страдал от нехватки крови. Острое лезвие опустилось на самое уязвимое место, и тонкая струйка густой, зловонной крови скользнула вниз, испачкав пальцы Цзян Чи.

Он не мог решиться. Юноша колебался, до боли закусив нижнюю губу — казалось, еще чуть-чуть, и потечет кровь.

— Если не поторопишься, он проснется.

Легкомысленный голос мужчины внезапно раздался прямо над ухом. Пламя свечи испуганно дернулось, и налетевший порыв холодного ветра мгновенно задул его. Комната погрузилась в полную тьму. Лунный свет скользнул по оконной раме, и в ночной тишине беззвучно расцвели алые розы.

Цзян Чи вздрогнул от испуга, рука дернулась, и лезвие едва не перерезало горло мужчине. Холодная, лишенная тепла рука перехватила нож. Это был сгусток непроглядного черного тумана, из которого показалась бледная ладонь, крепко сжавшая пальцы Цзян Чи.

— Наконец-то я могу до тебя дотронуться, — с блаженством выдохнул мужчина.

Низкий голос, подобный звукам виолончели, отозвался эхом в сердце юноши. Цзян Чи судорожно вдохнул. Это был тот самый голос, что соблазнил его открыть дверь в подвал.

— Ты... кто ты такой?

— Уже забыл? Как печально, — туман произнес это с притворной грустью, но в конце фразы послышалась радостная дрожь. — Тогда давай познакомимся заново.

Черный туман ласково обволакивал юношу. Бледная длинная рука отобрала у Цзян Чи нож и сжала его щеку.

— От тебя так вкусно пахнет.

Туман радостно вибрировал. Тяжелый нож для писем упал на толстый ковер и тут же был поглощен ворсом, словно тот был живым.

— Бедненький, маленький лжец, маленький демон.

Туман возбужденно дрожал, а бледная, с выступающими венами рука с силой сдавила челюсть Цзян Чи, оставив на коже жуткие красные следы.

— Это я первым тебя полюбил. Мой маленький демон. Ты так порочно прекрасен.

Дыхание Цзян Чи участилось. Параметры его нынешнего тела были до смешного низкими, и даже простого давления этого тяжелого тумана хватало, чтобы он почувствовал слабость. Даже пальцы не слушались. Цзян Чи подумал, что, если бы мог двигаться, непременно схватил бы тяжелый латунный подсвечник с тумбочки и со всей силы ударил бы эту тварь по лицу.

В черном тумане проступил очерченный, утонченный профиль мужчины. Его тонкие губы растянулись в преувеличенной улыбке, почти доходя до ушей.

— Маленький негодник, позволь представиться, — отчетливо произнес он. — Меня зовут... — он театрально растянул слова, словно оперный певец на золотой сцене, объявляющий арию: — Молан Уэйд! Или, если хочешь, можешь звать меня... Ночной Демон.

Зрачки Цзян Чи сузились. Он невольно взглянул на спящего Молана.

— О, не смотри на него, дорогой, — туман с недовольством заслонил обзор. — Смотри на меня. Это ведь я первым положил на тебя глаз, у меня вкус куда лучше, чем у него.

Его взгляд, словно липкий холодный язык змеи, скользнул по лицу юноши. Хотя у тумана не было тела, от этого ощущения у Цзян Чи по спине пробежал мороз.

— И какая связь между тобой и Моланом?

Щеки Цзян Чи покраснелись от нехватки кислорода и сильного испуга. Для Лиса, привыкшего выживать в дикой природе, это было пустяком, но при столь низких характеристиках в системе он был на пределе. Юноша кашлянул и, полными слез глазами глядя на туман, положил бессильную ладонь на его запястье.

Туман, казалось, был легко удовлетворен. От прикосновения Цзян Чи он задрожал, издал хихикающий звук и тут же разжал пальцы. Цзян Чи жадно вдохнул воздух.

— Прошу прощения, — туман вежливо извинился. — Я просто расстроился, увидев, что твои глаза устремлены лишь на это бесполезное тело. Если бы ты смотрел только на меня, я был бы счастлив умереть.

Туман извивался, его смех звучал до крайности вычурно, но вдруг он словно что-то вспомнил, и в голосе промелькнула ненависть:

— Тот толстяк умер так уродливо. Ты не подумал, что у меня плохой вкус?

Лицо под туманом стало четче, хотя черты все еще оставались размытыми. Можно было лишь угадать черты красивого, но порочного мужчины. Он с беспокойством придвинулся ближе, вглядываясь в глаза Цзян Чи, и сейчас он был похож на огромную собаку, которая ластится к хозяину. Если хозяин почешет ее за ухом, она будет радостно вываливать язык, а если захочет уйти — пес вцепится клыками в горло.

— Так некстати, я не успел завершить свое великое искусство.

— Искусство? — Цзян Чи наконец выровнял дыхание. — Ты называешь эти уродливые трупы искусством?

Он стоял босыми ногами на толстом ковре, позволяя длинному ворсу, словно живому существу, ласкать ступни. От щекотки пальцы ног невольно поджались. Однако на лице юноши заиграла холодная, ослепительная улыбка.

— Мне это не нравится.

Он высокомерно вскинул подбородок, словно роза, выставившая свои прекрасные, но опасные шипы:

— Покажи мне, на что ты действительно способен. Сейчас же. Иначе я возненавижу тебя.

Туман клюнул на это. Очевидно, отношение хозяина его напугало, и он поспешно поднял руки:

— Конечно, конечно! Сейчас же покажу, я отведу тебя.

Цзян Чи указал на тело Молана:

— Я хочу его! Ты же можешь вселиться в него, верно?

Его тон был властным, грубым и капризным. Туман, полностью попавший под его влияние, немедленно ответил:

— Разумеется, никаких проблем.

Он, казалось, все еще презирал Молана, с неохотой скривил губы и влился в тело мужчины. Тот, пребывавший под действием сильного снотворного, внезапно открыл глаза. Цзян Чи был готов, но все равно вздрогнул.

Молан улыбнулся, прищурив глаза, медленно поднялся и привел в порядок одежду, на лице его читалась легкая ревность.

— Прошу, принцесса. — Он поклонился и протянул руку.

У Цзян Чи появилось немного сил. Он поднял латунный подсвечник, даже не взглянув на туман, и фыркнул:

— Ну, чего стоишь? Веди.

Ночной Демон не обиделся на пренебрежение. На его лице играла все та же легкомысленная улыбка. Цзян Чи привык к мягкому и нежному выражению лица Молана, и теперь, видя на нем развязное выражение, чувствовал дискомфорт. И во всем этом виноват был только Ночной Демон.

Мужчина в хорошем настроении шел впереди, напевая песенку и весело размахивая ключами, которые неизвестно откуда достал. Черно-белый стеклянный шарик покатился по полу, и Демон, не обращая внимания, пнул его ногой.

Вернувшись к той самой двери в подвал, запертой на тяжелые цепи, Демон презрительно хмыкнул:

— Думали, если запрут, то меня не станет? А те проклятые люди все равно мозолили глаза. — Он беспомощно развел руками. — Все же убить их было верным решением.

Тяжелые цепи с грохотом упали на пол, и загадочная дверь распахнулась. Цзян Чи инстинктивно зажмурился. Он чувствовал, что увидит что-то ужасное. И его предчувствия оправдались.

Огромный подвал был до краев забит произведениями искусства. Белесые, вывернутые в жутких позах скелеты, картины маслом, запечатлевшие последние мгновения жизни жертв, и конечности, плавающие в формалине — те самые, что значились пропавшими в полицейских отчетах. На картинах, пугающе реалистичных, были идеально переданы лица жертв, полные ужаса, а обилие алой краски заставляло зрителя чувствовать себя соучастником,

наблюдающим, как истекают кровью распоротые люди.

Цзян Чи почувствовал тошноту. Это было отвратительно. Ноги юноши стали ватными, но он собрал последние силы, чтобы крепче сжать подсвечник.

— Это мои драгоценные работы, — Ночной Демон раскинул руки, его улыбка была безумной. — Кроме того бездарного типа, ты первый, кто их видит. Если хочешь, я создам для тебя еще больше! Мир сойдет с ума от нашего искусства!

Цзян Чи решил, что в этом нет никакой необходимости. Пока он рассеянно поддакивал мужчине, он украдкой осматривался, ища доказательства, которые можно было бы вынести отсюда. На китайской подставке для антиквариата стояла рамка.

Рамка? Цзян Чи замер.

Система отозвалась:

— Девятнадцатый век, фотоаппараты уже существовали. Можете не беспокоиться, ради полноты ощущений игрока мы в игре очень строги к историческим деталям.

Не время для рекламы, черт возьми!

Фотография была нечеткой. Можно было лишь разглядеть лицо Молана и сидящее рядом тело мужчины, пронзенного тростью от живота до самого горла. Цзян Чи подавил рвотный позыв и, притворившись, что небрежно разглядывает экспонат, взял рамку.

— Я хочу это! — он закричал на Демона, как избалованный ребенок.

— Ты можешь получить все, что захочешь, — Демон был удивлен, но, ослепленный любовью и радостный от того, что Цзян Чи оценил его искусство, добавил: — Зачем тебе это? У меня есть вещи куда ценнее и больше, я подарю их тебе!

— Нет, я хочу именно это, — сказал Цзян Чи.

Он поднял латунный подсвечник и улыбнулся мужчине.

— Угадай, что я хочу сделать?

Демон ответил:

— Ты играешь со мной...

Он не успел договорить — Цзян Чи со всей силы ударил его подсвечником по голове.

— Просто смотреть — это скучно, — красавчик тяжело дышал, глядя на Демона. — Конечно, куда интереснее все сделать самому.

<http://bllate.org/book/20566/2055043>